

ПАВЕЛ ВОЛЧИК

БРОДЯГИ

ПУТЬ
СКОРПИОНА

N SUGAR
BOOKS

Москва
2024

Копирование,
тиражирование и распространение
материалов, содержащихся в книге, допускается только
с письменного разрешения правообладателей.

Теперь, спустя годы, мы видим те ужасающие события смутно, как в тумане. Мы не можем поверить в то, что судьба целого мира зависела от Бродяг — кучки циркачей, возглавляемых клоуном.

Страшно подумать, что Ахти-всадник, великий освободитель Тауруса, был в ту пору неопытным мальчишкой, чудом избежавшим смерти.

Напуганный и одинокий, он скитался по Глухолесью, и жизнь его висела на тонкой паутине. Песчинка, которая должна была стать жемчугом, сгинула бы в пустыне зла, гонимая ветром перемен. Но её успел подхватить тот, кого называли Скорпионом. Не случись этого, вся история пошла бы по другому пути.

*Драган Зорка, летописец дубогорский.
«По следам Бродяг». Том первый.*

Гулко задрожала земля.

Хором залаяли собаки. Вороньё чёрным облаком поднялось над лесом.

Младенцы по окрестным деревням проснулись в яслях и огласили округу истошным криком.

В окнах зажглись огни.

Лошади в стойлах тревожно забили копытами.

Трактирщик Тойво не донёс до рта срезанную тыковку с крепкой настойкой, пролил её на пол, чего за ним никогда не водилось, и тревожно уставился в окно.

Дворовый котяра Пумми остановился посреди большого тракта, посмотрел на северо-восток, выгнул спину и зашипел.

Лемпи шикнула на пыхтящего над ней клиента, прикрыла ему рот рукой и напряжённо вслушалась — по дороге проскакали два всадника. Один из них что-то истерично выкрикивал. Второй, кажется, плакал.

Пол заходил ходуном.

В мастерской горшечника попадали с полок миски и кувшины.

На Мучном острове обрушилась мельница.

Старый Микку, рыбачивший на Пестрянке, потёр сонные глаза и вытаращился. Вода в реке

бурлила, как кипяток. Рыба сама запрыгивала к нему в лодку. Один карасик даже шлёпнул его мокрым хвостом по лицу.

Скрежет заполнил ночь. Твёрдую землю будто рвали на части.

Ахти проснулся в седле, озябший и усталый, оглянулся в темноту и зажал ладонями уши. Кобыла под мальчиком беспокойно заржала и покосилась на ездока.

— Тише... Тише, девочка, — погладил он её по шее и тут же вскрикнул сам. Небо озарила яркая молния. Вспыхнуло так, что перед глазами заплясали алые круги и Ахти испугался, что ослеп.

Какое-то время лошадь ступала в рваном ритме, наугад.

Мальчик пригнулся, чтобы не упасть и не задеть головой ветку.

А земля всё скрежетала и звенела. Земля гудела и трещала, и вот звук, набрав мощь, вырвался на поверхность оглушительным чудовищным грохотом и заполнил все оставшиеся уголки ночной тишины чистой болью.

Кричал Ахти, зажмурившись от страха, кричали ещё тысячи голосов в разных концах страны. А когда всё смолкло, как будто ничего не было, по траве пополз густой зеленоватый туман; он принёс видения и кошмары.

Небо над Таурусом — страной красных сосен и великанских камней, державой, простирающей свои крылья от Сизых гор до Древних топей, — горело огнём. И не было в этом пламени ничего тёплого и уютного, цвета его менялись от бледно-розового до голубого.

На эти отблески смотрели со страхом жители окрестных земель. И только взгляд Ориоля, стоящего на заснеженной скале, оставался отстранённым и печальным. Поблёкла улыбка на обветренном, загорелом лице, разгладились добродушные морщинки у глаз, а между бровями залегла тёмная складка.

Квадратный, смешной и грозный, стоял он на вершине в меховом плаще и молча глядел на север.

Когда жуткие разноцветные сполохи погасли, бросив на лица его спутников последние краски, Ориоль глухо произнёс:

— Мы опоздали. Места, в которое мы ехали, больше нет. Нет больше Исполины. Разворачивай!

1

Спустя месяц Ахти узнал, что дороги к Горькому морю больше нет. Вернее, дорога-то была, но вот воспользоваться ей теперь вряд ли удастся.

Парень стоял в дверях молчаливой тенью, слушал и не мог пошевелиться.

Пять вооружённых караванов три дня назад покинули Глухолесье и направились по торговому тракту к гавани. Назад вернулся только проводник из местных — охотник Лупус. Без коня, без оружия, с изодранным когтями лицом.

Охотник рассказал хозяевам трактира о том, что поперёк столичной дороги пролегла трещина, бездонный овраг, через который и копыта не перекинешь. Вернувшись, проводник заикался и не мог удержать в дрожащих руках деревянной ложки.

— И тянется овраг до самого м-моря. И м-мерзость в нём вод-дится, — запивая ужас сосновой настойкой, говорил охотник. — И ов-врагов таких ещё осемь. Побольше, поменьше. Тянутся они по всей стране, во все сторон-ны от Чёрной Язвы, этого средоточия гнили, ямы змеиной.

— А ты откуда знаешь? — ухмыльнулась Лемпи, накручивая на палец рыжий локон. — Летал на крылышках, мотылёк?

— Видения, — Лупус схватился за выбеленную голову. — Кто там был, тот всё видал.

— Видения, — пробурчал Тойво, хозяин трактира, наливая настойку в опустевшую кружку охотника, вырезанную из крохотной тыквы. — Не поверил бы тебе, если б башки твоей чернявой не видел. А что столица, что Исполина? Как могли допустить?

Охотник поднял изувеченное лицо и глухо произнёс:

— Нет больше Исполины. Нынче она и есть Чёрная Язва.

Ахти дождался ночи. Немногочисленные гости уснули. Тойво перестал гремять глиняными крынками на кухне, вымыл кружки-тыковки и тоже лёг. Ахти взял из кладовой краюху хлеба и сыр, наполнил водой дорожный бурдюк, прокрался мимо старухи Ку-Ку, которая всегда спала на лежанке, под развешенными у самого потолка пучками душистых трав, и вышел во двор.

Трактир «Мамочкин приют» спал. Даже в окошке рыжей Лемпи свет не горел: сегодня у неё не было клиентов.

Парень прокрался к конюшне, поднял деревянный засов, открыл ворота и скользнул в сумрак, пахнувший конским навозом и сеном. На ощупь пробрался к загону, в котором жила его любимица Фиксу.

Кобыла негромко заржала, почуяв мальчика, и нетерпеливо застучала копытами.

— Тише, девочка, тише! — напрягся Ахти. Он поднял ладонь над барьером, и в темноте его пальцы коснулись тёплого носа кобылы. Та словно по-человечески вздохнула и успокоилась.

— Вот так. Умница, ты всегда меня понимаешь.

Он вошёл в стойло, вдохнул запах её шерсти, и в голове ожили образы недавних событий. «Тёмная дорога, зажатая по обе стороны еловым лесом. Звёздная россыпь над головой. Стук копыт. Холодная и голодная ночь. Страх, тревога и неизвестность впереди».

Милая, добрая Фиксу... Не она ли спасла его от смерти, вынесла на своей спине? Не она ли единственное его воспоминание о доме? Все прочие так быстро меркли, словно Ахти был древним стариком, а не двенадцатилетним мальчишкой.

— Я-то думала, это у меня в голове годы выели дыру, — заметила старая Ку-Ку, когда Тойво начал рассказывать историю о том, как в последний раз ездил в столицу, да так и замолчал, тупо почёсывая в затылке. — А оно, гляжу, и с тобой так, хозяин.

«Так-то оно так... — подумал тогда мальчик. — Но что-то ты, бабуля, не забываешь ни одной целебной травки, ни одной хвори».

Так было и с трактирщиком, и с Лемпи, и с постояльцами, которые недавно остановились в «Мамочкином приюте», — все они прекрасно помнили, кто они, чем занимаются и куда едут, но стоило им заговорить про Исполину, столицу Тауруса, как их лица менялись: лбы морщились, брови хмурились, а глаза становились туманными и пустыми.

— Я должен доехать до гавани прежде, чем всё забуду, — прошептал мальчик, надевая на лошадь уздечку. — Понимаешь, Фиксу? Я должен помнить, кто я. А ты должна помнить, кто ты. Мы с тобой

из одного теста. Мы — дети Зелёной Пирамиды. Мы — там, где пожар. Вот наш клич.

Кобыла потёрлась о его плечо носом, фыркнула.

— Прямой дороги больше нет, девочка. Но мы обогнём Глухолесье, отыщем другой путь.

— Что вы там отыщете? — послышался хриплый трескучий голос.

Мальчик вздрогнул. Фиксу нервно дёрнула головой и отступила вглубь стойла.

— Снова улепётываешь? — Тойво поднял тусклый фонарь над головой и взгляделся в сумрак конюшни. — Ничего другого я от тебя и не ожидал, парень. Ещё и лошадь решил к рукам прибрать?

— Лошадь моя! — огрызнулся Ахти.

— Неужели? — Огонёк фонаря приблизился, трактирщик доковылял до загона, опёрся плечом о столб. — Может, ты покупал для неё овёс весь последний месяц? Или вот это седло? Знаешь, сколько я за него отдал? Чтобы ты, гадёныш такой, учился верховой езде.

Ахти молчал. Он всё ещё стоял к Тойво спиной и делал вид, что поправляет уздечку.

— А на хлеб и сыр ты заработал? А на новый бурдюк?

— Он старый! — пробурчал мальчик.

— Тьфу! И старый я тебе не давал. Вором ты пришёл, вором и уходишь. — Трактирщик вытянул перед собой правую руку, на которой не хватало двух пальцев. — Это они меня ещё пощадили! Мало тебе моего примера?

— Мало! — крикнул Ахти, развернувшись. — Месяц я на тебя работаю, а ты мне ни разу не заплатил!

— Что ты называешь работой? Ты мне кружек расколол и пива разлил больше, чем пьяницы вонючие!

— Да у тебя и бить нечего! Все кружки вырезаны из тыквы!

Они вылупились друг на друга, как будто играли в гляделки. Секунда — и Ахти не выдержал и прыснул, зажимая рот ладонью. Тойво продержался чуть дольше, но и его дряблая угрюмая физиономия растянулась в ухмылке, после чего он то ли закричал, то ли захохотал.

— Ну и наглец! — выдохнул трактирщик, вытирая слёзы. — И куда же ты собрался, позволь спросить?

— К Тихой Гавани, — ответил мальчик, тут же перестав улыбаться. — Мне туда нужно, Тойво, пойми ты.

— Нужно... — проворчал трактирщик. — И зачем?

Ахти открыл рот, но так ничего и не ответил. Его рука, как бы помимо воли своего хозяина, пробралась под рубаху на груди и нащупала крохотный футляр, висящий на шнурке.

— Не помнишь... — Тойво почесал подбородок с парой торчащих волосков о плечо. — То-то и оно, что ты не знаешь, малец, зачем тебе в гавань.

Мальчик стоял ошалелый.

— Не помню, — медленно проговорил он. — Как же так?

— Нынче у всех в умах это помрачение, сынок. Что ж поделать? Да и не доберёшься ты до Тихой Гавани.

— Почему?

— Лупус перед отъездом шепнул мне, что со стороны моря к столице тоже не подобраться. Суда обходят знакомую пристань стороной. — Трактирщик уныло посмотрел в дальний угол конюшни. — Бедняга даже переночевать у нас не остался. Сказал, чем дальше он от этого гиблого места, тем крепче будет спать. Только сдаётся мне, кошмары его ещё долго будут мучить.

— Что он там такого увидел?

— А чёрт его знает! Местные, послушав его рассказы, струхнули и разломали мост через Пестрянку. Говорят, чтобы к нам ничего оттуда не приползло. Только это вряд ли поможет.

— Как же нам быть? — спросил мальчик. — Ведь трактир стоит у самой границы.

— За это не волнуйся, — махнул рукой Тойво. — «Мамочкин приют» переживал и войны, и восстания, и Чёрную Язву переживёт. Потому я и говорю: оставайся, парень. Мы тут все сироты да приبلуды. Лемпи когда-то просто спрыгнула с повозки солдат и осталась здесь. Старуха Кукушка пришла прямо из леса среди бела дня и так ловко начала хозяйничать, что я её оставил. Ты работник никудышный, но хорошо понимаешь в лошадях. Гости хвалят тебя. Говорят, что в «Мамочкином приюте» ухаживают за животными не хуже, чем в лучших заведениях Исполины!

Трактирщик замолчал и наморщил лоб, словно пытался вспомнить, в каких именно заведениях.

Фиксу, обиженная тем, что на неё перестали обращать внимание, заржала. Тойво отступил на два шага назад.

— Что ей надо?